

Это создано в любви и ради любви
Любая часть этой книги может быть воспроизведена,
чтобы звонил колокол Дхармы, но только
с предварительного разрешения Фонда Ханумана

СОДЕРЖАНИЕ

1

ПУТЕШЕСТВИЕ

ТРАНСФОРМАЦИЯ:
ДОКТОР ФИЛОСОФИИ РИЧАРД АЛЬПЕРТ
ПРЕВРАЩАЕТСЯ В БАБУ РАМ ДАССА

Стр. 9

2

ОТ БИНДУ ДО ОДЖАС

ГЛАВНАЯ ЧАСТЬ КНИГИ

Стр. 65

3

КУЛИНАРНАЯ КНИГА ДЛЯ СВЯЩЕННОЙ ЖИЗНИ

РУКОВОДСТВО ПО СОЗНАТЕЛЬНОМУ БЫТИЮ

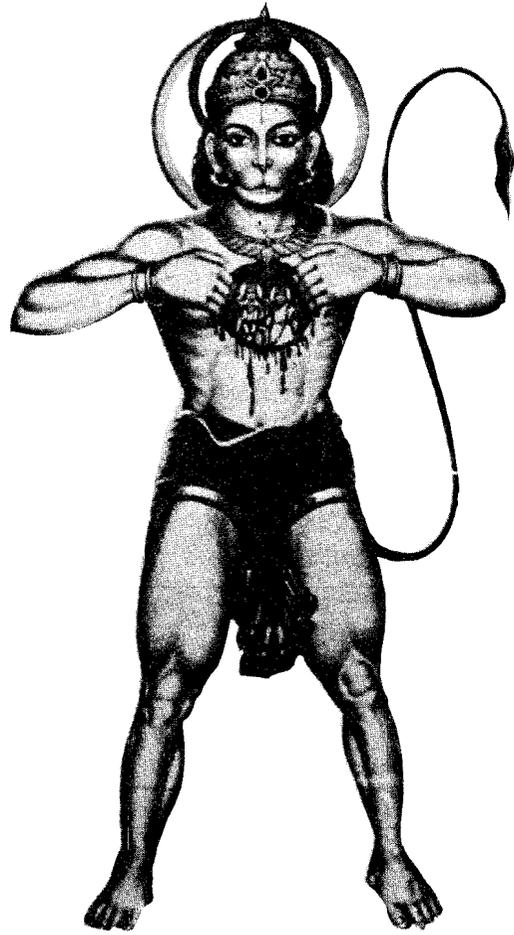
Стр. 415

4

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ПИРОГИ

КНИГИ

Стр. 584

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОКТОРА ФИЛОСОФИИ
РИЧАРДА АЛЬПЕРТА В БАБУ РАМ ДАССА

NAMASTĚ

НАША ИСТОРИЯ

В этом путешествии есть три этапа, которые я прошел. Первый этап — общественно-научный, второй — психоделический, и третий — этап йоги. Они суммируются, то есть каждый вносит свой вклад в следующие. Точно так же раскрывается цветок лотоса. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что многие из моих переживаний, которые казались почти бессмысленными во время их возникновения, послужили предпосылками для последующих событий. Я хочу поделиться с вами такими впечатлениями от внутреннего путешествия, о каких никогда не пишут в газетах. Меня не интересуют политические аспекты этой истории; для меня не важно, что пишут об ЛСД в субботнем выпуске Evening Post. Это история о том, что происходит внутри человека, который все это переживает.

УСПЕХ

День 1 марта 1961 года знаменовал собой, пожалуй, высшую точку моей академической карьеры. Я только что вернулся из Калифорнийского университета в Беркли, где некоторое время преподавал в качестве приглашенного профессора; меня заверили в том, что если я приведу в порядок свои публикации, то получу постоянную должность в Гарварде. Там я читал лекции на двух факультетах: социальных отношений и психологии,

а также в Высшей школе образования и Службе здравоохранения (здесь я еще работал терапевтом). Я заключил контракты на исследования с Йельским университетом и Стэнфордом. В мирском смысле я получал большой доход и был настоящим коллекционером имущества.

У меня была квартира в Кембридже, битком набитая антиквариатом, и я устраивал очень милые званые обеды. У меня были седан Mercedes-Benz, мотоцикл Triumph 500 CC, самолет Cessna 172, спортивный автомобиль MG, парусная лодка и велосипед. Я отдыхал на Карибах, занимаясь там подводным плаванием. Я жил так, как должен жить успешный профессор бакалавриата в американском мире под лозунгом «Сделай себя сам». Я не был настоящим ученым, но прошел весь академический путь. Я получил степень доктора философии. Я писал книги. У меня были исследовательские проекты. Я вел курсы по мотивации человека, теории Фрейда, развитию ребенка. Все это означает, что я действительно хорошо играл в эту игру.

Конспекты моих лекций были элегантно составлены из чужих идей, и все мои исследования соответствовали духу времени — там было то, что должен был исследовать каждый.

В 1955 году я начал заниматься психотерапией, и мой первый пациент предложил мне выкурить косяк. После этого я курил не то чтобы регулярно, скорее время от времени, но еще и пил много алкоголя. Однако у этого первого пациента были друзья, у них тоже были друзья, и все они стали моими пациентами. Я превратился в «модного» терапевта для модного сообщества в Стэнфорде. Когда я приходил на вечеринки, все говорили: «А вот и психиатр»; я садился в углу и выглядел сногшибательно. Кроме того, я пять лет учился психоанализу, вложив в обучение около 26 000 долларов.

Незадолго до 6 марта, когда я принял психоделик псилоцибин, я ощутил, что в моем мире что-то не так, но никак не мог обозначить и понять, что именно. Я чувствовал, что психологическая наука, которую я преподавал, несостоятельна, что психологи на самом деле не понимают состояний человека, а все их теории о достижениях, тревожности, механизмах защиты и так далее не относятся к сути дела.

Я работал в группе, которая насчитывала от пяти до девяти психологов. Мы каждый день приходили на работу и занимались психологией так же, как другие люди занимаются страхованием или автомеханикой; затем в пять часов вечера мы расходились по домам такими же невротичными, какими были утром. Мне казалось: будь вся эта теория правильной, она бы как-то глубже влияла на мою собственную жизнь. Я понимал, что ученый обязан быть «объективным»; однако для сферы социальных наук эта концепция чрезвычайно наивна. И какая разница, что делает психоанализ (а он делает много чего, я уверен), если я все еще оставался невротиком после пятилетней практики психоанализа? Так думал даже мой собственный психотерапевт; когда я прекратил заниматься анализом, чтобы отправиться в Гарвард, он сказал: «Ты слишком болен, чтобы бросить анализ». Это были его последние слова. Но, поскольку я практиковался в теории Фрейда, я знал его игру достаточно хорошо, чтобы наслаждаться этими ужасно сложными, конкурентными отношениями с моим психоаналитиком, и говорил ему: «Как, разве вы не помните, что Фрейд сказал это в статье от 1906 года? И когда я это говорю, вы должны интерпретировать...» И за это я платил 20 долларов в час!

Что-то шло не так. Хуже всего было то, что я просто не понимал, в чем дело; однако все время чувствовал, что если не я, то кто-то другой должен это понимать. Природа жизни представляла для меня загадку. Все, чему я учил, состояло из микроскопических кусочков, которые никак не складывались в чувство, хотя бы отдаленно напоминающее мудрость. Я просто становился все более и более эрудированным. И мне отлично удавалось отыгрывать три шара знаний одним ударом. Я умел сдавать экзамены в докторантуре, придумывать очень сложные вопросы и выглядеть ужасно мудрым. Это была суета.

НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ

Кроме того, для меня как социолога трудность представляло то, что изначально я не был ученым. Я вырос в иудейской традиции, которая чрезвычайно озабочена высокими достижениями. Несмотря на то что я пять лет посвятил психоанализу, необходимость читать лекции всегда вызывала у меня сильную диарею и напряжение. Пятидневка на преподавательской должности представляла серьезную угрозу для моего желудка. Тем не менее, какими бы ни были мои мотивы, их сила оказалась необычайно велика: будучи весьма посредственным студентом (на самом деле, как ни старался, я так и не поступил учиться в Гарвард; не помогло даже политическое влияние моего отца), я наконец-то устроился работать на факультеты «хороших» вузов.

Я мог просидеть десять часов над книжками и подготовить действительно качественную лекцию о Фрейте или о человеческой мотивации, но ощущал себя так, будто это происходило где-то за стеной. Все это было чисто умозрительным. Я говорил о тех или иных теориях. Я поддерживал эти идеи, эти интеллектуальные концепции, совершенно не связанные с моим собственным опытом. Хотя я мог вложить в это преподавание всю мощь своего эмоционального рвения, здравый смысл подсказывал, что я занимаюсь чем-то, на что не имею права. И, к своему тщательно скрываемому негодованию, я обнаружил, что такого рода деятельность считали приемлемой большинство моих коллег, которые в своем стремлении быть «научными» думали о личности в терминах математических переменных. Дети были всего лишь амбулаторными переменными, и, как бы мы ни старались, к тому времени, когда мы получали возможность легитимно исследовать такую переменную, она утрачивала свои интуитивные особенности. Таким образом, концепции, с которы-

ми мы работали, на интеллектуальном уровне были занимательными, но не влияли на жизнь.

В общем, я сотрудничал со знатоками когнитивной психологии, психологии личности, психологии развития, но чувствовал, что окружающие меня люди тоже не достигли никаких высот в человеческом плане. Их собственные жизни не состоялись. Им не хватало человеческой красоты, человеческого удовлетворения, человеческого свершения. Я много работал, и мне тоже достались ключи от этого королевства. Все это было мне обещано. Я чувствовал, что вошел в то, что принято называть внутренним кругом; теперь я мог бы стать председателем программы седьмого отдела Американской психологической ассоциации, получать гранты, путешествовать, заседать в правительственных комитетах и диссертационных комиссиях. Но меня тревожило ужасное сознание того, что я не знаю чего-то важного, и из-за этого все остальное теряло привлекательность. И во мне сидел страх, что следующие сорок лет мне придется прожить в этом неведении, которое, очевидно, в мире считается нормой. А в нерабочее время мы играли в го, резались в покер и без конца повторяли старые шутки. Все это было слишком пустым. В этом было совсем мало честности.

И однажды я почувствовал, что роль профессора в Стэнфорде и Гарварде вовлекла меня в какую-то бессмысленную игру, в которой студенты изящно играли роль студентов, а преподаватели — преподавателей. Я вставал и говорил то, что прочитал в книгах, а они записывали все это и возвращали мне в форме экзаменационных ответов; но ничего при этом не происходило. Мне казалось, что я нахожусь в звукоизолированной комнате. В происходящем было слишком мало смысла. Слишком мало настоящего.

Кроме того, как терапевт я чувствовал себя втянутым в драму моих собственных теорий. Данные моих исследований показывали, что при тонких признаках подкрепления «пациенты Роджерса» рано или поздно перейдут к положительным утверждениям, а «пациенты Фрейда» непременно начнут говорить о своей матери — это было так очевидно. Я сидел с маленьким блокнотом; как только человек начинал говорить